

Т. В. Шильникова

ИДЕАЛИЗАЦИЯ ИОАННА МАКСИМОВИЧА В ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ XIX — НАЧАЛА XX в.

Актуализация памяти о личности и деяниях церковного лидера и христианского писателя конца XVII — начала XVIII в. Иоанна Тобольского происходит во второй половине XIX в. Причиной обращения к личности явились духовный кризис общества, необходимость укрепления позиций церкви и политические амбиции власти.

В биографических повествованиях о христианских святых, столь широко распространенных в православной литературной традиции XIX в., особое место занимали рассказы о деятелях русской церкви начиная с момента ее создания. Особенная активизация издательской деятельности связана со второй половиной XIX в., когда были основаны многие религиозно-нравственные журналы как для нужд церкви, повышения образования местных священников, так и для удовлетворения интересов прихода, повышения авторитетности просветительского церковного начала. Как известно, ко времени Петра число канонизированных святых возросло до 230, а вместе с месточтимыми именами — до 500. Церковный историк А. В. Карташов считает: «Стеснительный контроль петровского законодательства временно остановил эту щедрость официальных канонизаций. Но всенародное, соборное почитание чтимых подвижников православного благочестия с казенным законодательством не считалось» [Карташов, 1992, II, 320]. В духовной истории Урало-Сибирского региона подобный сюжет разворачивался на протяжении более полувека в связи с образом митрополита Иоанна Тобольского (Максимовича), жившего во второй половине XVII — начале XVIII в. Окончательная официальная канонизация церковного лидера произошла в 1916 г., что позволило современному биографу образно назвать его «последним царским святым» [см.: Фомин, 2003]. Непредсказуемые исторические события дали драматическую возможность Николаю II, столь активно принимавшему участие в завершении канонизации, стать сопричастником поминовения Иоанна Максимовича в тобольской ссылке. Фигура митрополита Тобольского была настолько многогранная, а деяния были одновременно и вписаны в политическую ситуацию петровского времени, соответствуя духу церковного реформирования, и покоряли церковное и светское окружение митрополита уровнем знаний, творческой активностью. В народном мнении прихожан перечисленные факторы повлияли на создание во второй половине XIX — начале XX в. церковными биографами своеобразной историко-биографической эпопеи, способствующей появлению идеализированного и по-своему этикетного описания событий жизни Иоанна.

Достаточно хорошо известная, за исключением сведений о его детстве и отрочестве, биография Иоанна Максимовича [см.: Словарь, 1999, 266—267], как нам представляется, вбирает в себя различные интенции времени, и пристальное вни-

мание к церковному деятелю в различные периоды имеет свои историко-культурные закономерности. Какие же особенности жизнедеятельности Иоанна Максимовича вызвали столь пристальное внимание к нему и стали основой для его идеализации, завершившись поспешной канонизацией иерарха в 1916 г.?

Важным моментом, востребованным в последующее время, стало соединение в служении Иоанна духовных и государственных интересов. Начало тому было положено еще в молодые годы Максимовича, спешно приобщенного к политической деятельности на дипломатическом поприще. Причиной, по которой гетман Мазепа включил молодого (24-летнего) Иоанна в состав делегации к государю Федору Алексеевичу (1678), была скорее всего явная склонность Максимовича к поиску поддержки у сильного православного государства в случае турецкой опасности. О несомненном ораторском искусстве молодого иеромонаха и его умении убеждать говорил результат: Брянский Свенский монастырь был передан Киево-Печерской лавре «для тихого и безмолвного пристанища в нужное военных браней время» [ДАИ, 51]. В течение 14 лет, вплоть до 1695 г., Иоанн Максимович был настоятелем этого монастыря, который стал своего рода островком украинской передовой для того времени образованности. Видимо, тогда было замечено важнейшее качество личности Иоанна — умение находить компромисс с властью и в то же время сохранять высокие требования к собственной духовной деятельности. Даже когда возник известный конфликт Мазепы и Петра I в 1708 г., Иоанн, который в конце XVII в. был протеже Мазепы, мудро остался над схваткой. После Полтавского торжества Петра он посвятил победе свое сочинение «Синаксарь», где описал свою встречу с государем. Позднее церковные историки увидят пророческое содержание в традиционном благословении Петра Великого при посещении последним Черниговской епархии.

Немаловажным аспектом деятельности Иоанна Максимовича была установка на развитие просвещения. Его убеждения и взгляды оказались более чем прогрессивны для своего времени. Конкретные повороты в судьбе позволили ему их успешно реализовать. Так, например, будучи утвержден грамотой Петра I в 1697 г. архиепископом Черниговским, Иоанн в 1701 г. создает в Чернигове Коллегиум, который впоследствии послужил образцом духовных семинарий в епархиях Русской православной церкви [см.: Доброклонский, 1999, 582].

Коллегиа в Чернигове отличалась своеобразным демократизмом. Здесь обучались дети духовенства, дворян, казаков и мещан. Учащиеся не только получали подготовку для продолжения образования, но и приобретали навыки самостоятельной деятельности. Предметом особой гордости училища была библиотека, которая для того времени считалась одной из лучших в России по подбору редких и старинных книг. Продолжением подобной просветительской деятельности в дальнейшем была забота Иоанна Максимовича о духовном училище, которое было организовано в Тобольске предшествующим митрополитом Филофеем Лещинским в 1703 г. К главнейшим достоинствам иерарха его биографы относили материальную помощь учащимся, постоянную заботу об учителях, факты о которых сохранялись в памяти последующих поколений. Следует признать, что Иоанн

ощущал в себе талант учителя, наставника и подвижника православия. И это своеобразно сказывалось на его литературной деятельности

Главной творческой приверженностью Максимовича оказалось стихотворство, хотя он не обходил вниманием создание проповедей. Он не был столь совмещен со светской властью в своем творчестве, как Феофан Прокопович, но в традициях русского православного официоза ставил в центр творчества личность и деяния царской власти, не забывая при этом о своей пастырской функции.

Православные иерархи малороссийского происхождения всеми силами поддерживали реформы Петра, создавали миф о просвещенном монархе, стремясь давать в своих сочинениях и переводах нравочения властям. Не остался в стороне и Иоанн Максимович, переведя «Феатрон нравоучительный» (1703) римского каноника Амвросия Марлиана (первая половина XVII в.), в котором содержались наставления, советы и поучения лицам, имеющим власть, и написав свой «Синаксарь» о победе Петра в Полтавской битве (1709).

Конфессиональная принадлежность (архиепископ Черниговский, а затем митрополит Сибирский) не мешала ему переводить столпов западно-европейского богословия, обращаться к протестантским и католическим авторам, среди которых были Амвросий Марлиан, Бенедикт Хефтен, Иеремия Дрексель, Иоанн Герхард и др.

В истории литературы сформировалось устойчиво критическое отношение к религиозно-нравоучительным поэтическим изысканиям Максимовича. Поэтика объемных произведений иерарха была перенасыщена художественными тропами, которые должны были, по убеждению поэта, способствовать укреплению христианских чувств. Между тем для современников, и особенно столичных поэтов, выспренность и велеречивость писателя говорили лишь о его плохом вкусе. Даже поэтический пересказ «от святых писаний, из древних речений, на ползу всем чтущим...» житий святых («Алфавит», 1705) вызвал недовольство А. Кантемира, младшего современника И. Максимовича. Однако в истории формирования религиозного чувства эти сочинения, судя по всему, были достаточно оценены церковными подвижниками. Большой популярностью, например, пользовались перевод книги Бенедикта Хафтена «Царский путь Креста Господня» (1709) (впервые была издана Н. Новиковым в 1784 г., а затем переиздавалась неоднократно) и перевод сочинения Иеремии Дрекселя «Илиотропион». Максимович создал в переводах достаточно оригинальный стиль, обновляя церковно-славянский язык заимствованиями и просторечиями Петровской эпохи. Известно, что в библиотеке Оптиной пустыни существовал особый отдел черниговских изданий, большую часть которого составляли книги Иоанна Максимовича. Преподобный Амвросий Оптинский наиболее почетных гостей одаривал книгой «Царский путь Креста Господня».

В черниговский период Иоанн Максимович подчеркивал особенности своего творческого подхода исходя из православной традиции Средневековья, когда писатель ощущал себя хранителем вечной истины, которую он должен был донести до людей силой дарованного Богом таланта: «Не новое аз пишу... святых соби-

раю», — утверждал формулу сочинительства Иоанн Максимович («Богородице, Дево, радуйся...», 1707). Эмоциональное и духовное напряжение, которое испытал Иоанн Максимович будучи на протяжении нескольких лет митрополитом Сибирским (1711—1715), вылилось в появление стихотворного автобиографического повествования о путешествии в Тобольск, названного в контексте топоса дороги «Путником».

В Тобольский период жизни Иоанн Максимович продолжает отстаивать прежние приоритеты, направленные на образование и укрепление православия. Умение отстаивать православные ценности, которое митрополит получил в бытность свою на Украине, оказалось востребованным в многоконфессиональном сибирском контексте. Важным было осознание Иоанном Максимовичем государственного значения христианизации местных народов. Собственно, это соединение православных и государственных интересов лежало в основе деятельности первого святителя пермского народа Стефана Пермского (конец XIV в.). Вершиной миссионерской деятельности Иоанна стала организация православной миссии в Китае, отправленной им из Тобольска 16 января 1715 г. в выполнение императорского указа от 7 июня 1710 г. по усилению миссионерской деятельности. Задачи, которые были поставлены перед миссией, были государственно-политического уровня. До появления в Китае миссионеров Русской церкви христианство хотя и было там известно, но не было широко распространено. Особое место в судьбе русской миссии в Китае сыграло устроение русского гарнизона в Албазине, который представлял собой крепость, населенную бывшими русскими военнопленными, позже поступившими на службу к китайскому императору. Так, заботясь о сохранении православия среди русских пленных в Албазине, было положено начало российской миссии в Китае. К сожалению, многие возможности, которые вытекали из этого смелого шага Иоанна Максимовича, в дальнейшем оказались упущены.

Как уже упоминалось, в петровское и послепетровское время канонизация русских праведников была приостановлена. После смерти Иоанна Тобольского (1715) память о его активной и гуманистической в своей основе деятельности долгие годы сохранялась в устной традиции тобольчан, о чем свидетельствовал очевидец — писатель-краевед А. И. Сулоцкий, который писал в 1853 г.: «...К сожалению, нет возможности удовлетворить вполне любопытству чужих память святителя: современники для себя не имели нужды вести записок о его жизни и делах, преемники довольствовались рассказами стариков, а рассказы в течение 135 лет большею частью забыты. Будем же довольствоваться немногим» [Сулоцкий, 2000, 10]. Плодовитый писатель, воплощение интеллектуального начала в церковной жизни XVII — начала XVIII в., миссионер, заложивший основы влияния русского православия (а значит, и Российского государства) на Востоке в важнейшем по человеческим ресурсам регионе — Китае, оказался в забвении. Ситуация начинает меняться в середине XIX в., когда время подталкивало к поиску праведников, которые могли бы стать олицетворением поворота православия к народным интересам, что оказалось в центре общественно-литературного дискурса эпохи, и ни один крупный талант не миновал этой темы. В кризисное время, в период разрыва

и распада обращение к нравственным ценностям знаменовало желание найти параметры внутреннего единения нации.

Возникающие в России капиталистические отношения воспринимались как явление губительное, разрушительное для крестьянства, чуждое национальному духу и интересам, потому не признавались ни демократами, ни либералами, ни консерваторами. Именно в этот период внимание писателей было обращено к динамике сознания современного человека: через судьбу отдельной личности, через изменение ее сознания они хотели показать преодоление сложных исторических перипетий.

Сложившаяся общественно-политическая реальность требовала от авторов правдивого изображения «мира сего». Е. М. Пухеридова обратила внимание, как остро реагировал Ф. Достоевский на сложившуюся ситуацию. «Прежний мир, прежний порядок — очень худой, но все же порядок — отошел безвозвратно, писал он. И странное дело: мрачные нравственные стороны прежнего порядка — эгоизм, цинизм, рабство, разъединение, продажничество — не только не отошли с уничтожением крепостного быта, но как бы усилились, развились и умножились; тогда как из хороших нравственных сторон прежнего быта, которые все же были, почти ничего не осталось» [Пухеридова, 1971, 111]. Во второй половине XIX в. на смену «героям своего времени» приходит иной герой, воплощающий в себе национально-традиционные ценности — нравственные, религиозные, эстетические [см.: Хализев, 1997, 112]. Эти ценности накапливались, обогащались, обретали национальную самобытность. Поэтому в русской культуре, имеющей христианские первоосновы, тема праведничества заняла прочное место. Герои, воплощающие в своем облике нравственные ценности — жертвенность, верность евангельским заповедям, искреннее отношение к жизни, противостояние окружающей неправде, — воплощены в произведениях Н. Лескова, Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова, В. Короленко. Писатели, обращаясь к теме праведничества, опирались на древнерусскую литературную традицию, прежде всего на жития святых. Герои-праведники, в противовес «героям времени», не заявляли о себе как о людях особенных, выдающихся, за них это делало общественное мнение вместе с писателем. Праведничество в России, по сути, составило стержень национальной культуры, являясь нравственным ориентиром для читателей. Таковы герои Н. Лескова Ольга Федотовна и Яков Львович в «Захудалом роде», жена Губерозова и Ахилла Десницын в «Соборянах», княжна Марья и Платон Каратаев в романе «Война и мир» Л. Толстого, а также ряд героев Ф. Достоевского — Разумихин и Дуня в «Преступлении и наказании», Алеша Карамазов и старец Зосима в «Братьях Карамазовых». Этим персонажам чужды житейские метания и духовные смятения, они готовы с достоинством пройти любые испытания, посланные им судьбой. Это люди с чувством совести, долга, чести, твердыми нравственными ориентирами, способные к самопожертвованию, духовному подвигу, высоко одухотворенные. По наблюдениям А. А. Горелова, именно поэтому Н. Лескова привлекали герои из народа — обыкновенные труженики, именно в них он видел идеального «героя-праведника», который совершает каждодневный, незаметный

подвиг. Эти люди, по словам писателя, сумели «прожить изо дня в день праведно долгую жизнь, не солгав... не слукавив, не огорчив ближнего и не осудив страстного врага» [Горелов, 1988, 227].

К поиску подобных героев и формированию биографо-идеализирующих повествований обращаются церковные писатели. В первую очередь личность Иоанна Максимовича заинтересовала тобольских авторов. Среди них особо выделяется имя протоиерея А. Сулоцкого, известного церковного историка и краеведа, который впервые напечатал жизнеописание митрополита Иоанна Максимовича, публикуя историю Тобольской иерархии в 1849 г., а затем повторил, добавив новые факты в 1854 г. [см.: Сулоцкий, 2000, II, 100]. Спустя десять лет (1863) появляется новый текст, написанный тюменским историком Н. А. Абрамовым. А в 1864 г. Сулоцкий вновь обращается к личности Иоанна Тобольского, собрав, изучив и сопоставив новые документы. Историк в 1868 г. печатает «Дополнения к биографии митрополита Тобольского Иоанна Максимовича» и особо оговаривает: «В “Страннике” напечатаны уже две биографии многочтимого по Сибири и по всей России известного митрополита Тобольского Иоанна Максимовича: одна в майской книжке 1863 года Н. А. Абрамова, а другая — в январской 1864 года, мною составленная. Но после того в течение 5 или 6 лет открыто несколько новых материалов, которые или дополняют прежние сведения о названном архипастыре, или исправляют их. ... Пользуясь вновь открытыми материалами... намерен к прежним его биографическим очеркам сделать дополнения и исправления допущенных ошибок» [Там же, 124]. Как историк-краевед, А. Сулоцкий очень внимателен к датам, к новым появившимся документам, для него значима каждая деталь. Так, например, сопоставляя сведения, взятые из Сибирской летописи о годах жизни митрополита, он устанавливает точные годы его жизни. Работая с архивными данными Тобольской епархии, он восстанавливает время пребывания и лиц, с которыми встречался митрополит в Москве по пути из Чернигова в Тобольск [см.: Там же, 125—128]. Тщательно изучая документы Киевской и Черниговской епархий, опираясь на воспоминания киевских иерархов, А. Сулоцкий уточняет время службы митрополита в Тобольской епархии [см.: Там же, 129—131]; акцентирует внимание на подарках (церковная утварь, книги), которые митрополит передал в дар Иркутской и Томской епархиям [см.: Там же, 131—140]. Важным для историка оказалась и постройка придела Тобольского Софийского собора: в каком году, из какого материала, чем был украшен придел, кто посетил этот придел и когда, где находился иконостас — ничего не ускользнуло от пристального взгляда историка-краеведа [см.: Там же, 141—143]. Вставляя документальные, исторические факты в повествование, автор хотел показать путь духовного развития святителя Иоанна, гуманность и широту его взглядов.

Не меньший интерес вызывает и тексты, написанные тюменским историком Н. Абрамовым, который, обращаясь к образу тобольского святителя, трактует его в контексте популярной официальной идеологии «самодержавие — православие — народ», публикует пространный очерк о Максимовиче и публикует его в «Журнале Министерства народного просвещения» (1850, № 10). Для автора со-

здание идеализированной биографии оказалось важнее исторических данных. В очерке особо подчеркивались моменты симфонии светской и церковной властей в деятельности митрополита, его забота о прихожанах и послушниках училища. В отличие от повествования Сулоцкого, стиль Абрамова насыщен общими положениями о деятельности православного иерарха, в каждой строчке сквозит любованье и сентиментальное восхищение героем: «Через доверенных лиц он творил тайную, обильную милостыню. Нередко даже сам, одевшись в простое монашеское платье, посещал по временам не только все бывшие (больше 20) в Тобольске богадельни, но и известных ему бедных людей и сирот, оставленных без приюта и призрения. ... Особенно он заботился о вдовах и сиротах духовного звания, живших не только в Тобольске, но и в разных местах епархии. На этот предмет посылал он деньги к доверенным лицам и поручал благотворить без означения своего имени... Любвеобильное сердце его наиболее стремилось туда, где было более бедности и несчастья» [Абрамов, 1998, 193—194].

Но особенно вспышка интереса к творчеству и практической деятельности Иоанна Максимовича наблюдается в сочинениях конца XIX — начала XX в. Требовалась личность, которая была бы способна соответствовать новому стилю жизни, связанному с идеей народного просвещения, милосердием, взаимопомощью. Это стало своего рода национальной задачей. И хотя Иоанн Тобольский не был канонизирован, его миссионерская деятельность, подвижнический труд как никогда были востребованы, причем в масштабе страны. Это вызвало переиздание «Очерка жития митрополита Тобольского и всея Сибири Иоанна Максимовича» (М., 1904). Желание рассказать о героическом пути подвижника было столь велико и цель была так ясна, что за этот труд брались рядовые священники, известные только в своем приходе. Очерки о нем напишет протоиерей Тобольской епархии А. М. Карпинский (1899). Образ митрополита Иоанна создается в сентиментально-идеализированном духе. Это и «достойный преемник блаженного Феодосия Угличского», и «просвещенный пастырь церкви... непостыдный делатель на ниве Христовой», «проповедник, подвижник, почитатель государя и верный Сын Отечества» [Карпинский, 1899, 16—17, 19—21].

В тексте, составленном П. В. Остроуховым в военном 1915 г. («Жизнеописание Святителя Христова Иоанна»), появляются новые, достойные внимания эпизоды. Это живописное описание огромных просторов Отечества на примере Тобольской епархии и умственное и нравственное состояние паствы, которое подчеркивало тяжелые условия служения митрополита: «Тобольская епархия в начале XVIII столетия простиралась с юга от Кяхты до Обдорска и Колымы, и с запада — от Уральских гор до Камчатки. Огромные расстояния разделяли населенные пункты один от другого: были и такие уголки, куда не ступала еще нога человека... Умственное и нравственное состояние сибирской паствы было печально; чувствовался недостаток в просвещенных пастырях; идолопоклонство еще крепко держалось вдали от городов и церквей; по местам с силой проявлялся раскол. Вот в каких тяжелых условиях приходилось Иоанну Максимовичу брать на себя бремя Архипастырского служения...» [Остроухов, 1915, 13]. Наряду с этим при опи-

сании подвига митрополита появляются общие рассуждения о войнах и поведении людей: «Таким же образом должно рассуждать о врагах и войнах. Бог неоднократно допускал неприятелям покорять еврейский народ, чтобы последний не бесчинствовал и не забывал о Боге своем... Кто врачует болезнь, гасит огонь или борется с врагом, тот не воле Божией противится, а стремится уничтожить причину человеческого страдания» [Там же, II]. Речь явно идет о войне 1914 г., которая вызвала определенный негативный всплеск в обществе, т. к. принесла много бед русскому народу и закончилась поражением. Автор, рассказывая об Иоанне Тобольском, приписывает ему слова, в которых дается трактовка поражению и которые призывают людей к смирению и покаянию. Война в этом объяснении является наказанием, которое Господь посылает на человека. Если это так, то война — следствие человеческого несовершенства, несовершенства человеческого мира. Исправление человека приведет к исправлению мира. Но человек не может быть исправлен только волей Божией, он и сам должен приложить усилия к исправлению. Образ Иоанна становится воплощением активного сопротивления злу как в конкретно-пастырских деяниях, так и в литературных сочинениях. Интеллектуальное наследие митрополита Иоанна для потомков так же важно, как и его деяния, сопряженные с миссионерской, организационной и просветительской деятельностью. Ведь спасительная сила слова пастыря должна помочь в преобразовании этого мира к лучшему.

Таким образом, перед нами сформирован тип интеллектуального и творческого православного героя, который приносит новые знания, открывает новые горизонты; писателя, заряжающего людей творческой энергией, вдохновляющего на свершение нравственных поступков; героя, связанного с подвигом апостольского служения. Вместе с тем в биографических сочинениях проступает образ героя — борца с язычеством, миссионера, заступника и предстоятеля перед Господом за жителей Тобольска, героя-целителя и избавителя, столь хорошо знакомого народному сознанию. Многогранность культурного героя позволяет рассматривать нам сочинения, посвященные Иоанну Максимовичу, не только как литературные тексты, но и как части проявляющегося культурного мифа.

Несколько запоздало, почти через 200 лет после жизни пастыря, встал вопрос об официальной канонизации, тем более что могила Иоанна в народном почитании считалась исцеляющей. В 1913 г. епархиальный съезд духовенства и церковных старост, а также жители Тобольского края обратились с просьбой к митрополиту Варнаве и с ходатайством к государю Николаю II о церковном прославлении Иоанна Тобольского. Процесс был довольно растянут во времени. Церковно-государственная машина действовала медленно. Святейший синод принял решение о создании комиссии в составе четырех духовных лиц и одного светского — местного вице-губернатора — для изучения чудес, освидетельствования гроба и останков святителя. В декабре 1915 г. Святейший синод с разрешения государя поручил архиепископу Литовскому Тихону посетить Тобольск и на месте выяснить обстоятельства существующего местного почитания и предпринятых уже мероприятий к всероссийскому прославлению. Архиепископ Тихон вскоре письменно

заверил Синод о праведной жизни митрополита, его блаженной кончине, особо отметив глубокое почитание памяти среди мирян, и о чудесном излечении, исходящем от его останков. При этом сам архиепископ записал 17 новых рассказов о чудесах, которые должны были войти в житие новоявленного святого. Синод подготовил Николаю II доклад, в котором предлагал причислить митрополита Тобольского и Сибирского Иоанна к лику святых, а останки его — святые мощи — оставить в гробнице для поклонения и чествования.

В 1916 г., в кризисное для России время, церковь предприняла попытку усилить православие, напомнить о служении вере и Отечеству. Это было время ломки прежней системы идеологических представлений и ценностных установок, время, несущее в себе опасность дальнейшему развитию российской государственности, ее стабильности. Поэтому церковь, как в давние времена, берет на себя функцию катализатора объединительного процесса, а проповедническая практика, в которой постоянно напоминались прихожанам важнейшие христианские постулаты, выполняла задачи патриотического воспитания. Именно в это время требовалась фигура, которая бы служила идее единения государства и народа. Требовался святой покровитель, образ которого вернул бы церкви апостольскую ауру, вызвал в исторической памяти россиян исторические события, связанные с идеей бескорыстного служения и интеллектуального смирения. Может быть, поэтому вновь внимание было обращено на личность Иоанна Максимовича, выходца из Малороссии. Фигура Иоанна вновь объединила, как в петровское время, такие, казалось бы, далекие территории, как Украина, Сибирь, Дальний Восток.

Явно выполняя государственный заказ, к образу Иоанна Максимовича закономерно обращается киевская церковь. В неофициальной части «Киевских епархиальных ведомостей» публикуется очерк «Святитель Иоанн Максимович, митрополит Тобольский и Сибирский, новоявленный чудотворец (1651—1715 гг.)» (1916), и в этом же году вновь найденные архивные материалы представлены в «Трудах Императорской Киевской духовной академии».

Тональность сочинения, связанная с идеей защиты отечества и верности монархическому строю, явственно просвечивает в сочинениях украинских авторов: «Верующие члены православной русской Церкви... без сомнения увидят явление великой милости Божией к нашей православной Церкви и ко всему русскому народу...»; «Они... являются нашими молитвенниками и ходатаями пред Богом за весь православный русский народ»; «Явление... пред Богом за русский народ в лице святителя Иоанна... высоко-радостное событие... для Киевской духовной Академии и для Киево-Печерской Лавры»; «Святитель Иоанн Максимович... был горячим любителем своей родины и искренним почитателем царской власти... он всем сердцем сочувствовал русскому царю Петру Великому...»; «Кто может, пусть служит своему Царю и отечеству своим личным трудом и живым участием в обороне Родины» [КЕВ, 495—498].

Усиливается в сочинении тема защиты Иоанном сирот, вдов и помощи бедствующему населению. В условиях послевоенной разрухи эти слова должны были мо-

билизовать священников и умиротворить пострадавших: «Святитель Иоанн отличался истинно евангельским милосердием. Все свои доходы и сбережения он употреблял на издание назидательных книг, благоустройство школ и на дела милости к бедным... С особенною заботливостью он относился к бедным вдовам и сиротам духовного звания, быть может, потому, что они более других чувствовали тягость своего положения»; «Святитель Иоанн был добр и ласков в обращении со всеми, кто приходил к нему, причем к нему был свободный и беспрепятственный доступ для всех, кто нуждался в его помощи, совете и утешении» [КЕВ, 578—579].

В начале XX в. темы нищенства и благотворительности являются важнейшими для всего русского общества. Был предпринят ряд мер, которые должны были стать своего рода буфером социального напряжения. Повсеместно создаются специальные фонды, дома труда, выделяются частные пожертвования, в Москве проводится съезд, призванный решать проблемы благотворительности. Личность Иоанна Максимовича как раз и формировала некую модель поведения, которая раскрывалась прежде всего в отношениях с бедняками.

В 1916 г. о митрополите Иоанне писали духовные журналы, составлялись и печатались жития, переиздавались его произведения, о нем говорили в Священном синоде и императорском окружении. Решение Священного синода гласило: «Во блаженной памяти почившего Иоанна, митрополита Тобольского и Сибирского, признать в лике святых, благодатию Божией прославленных, а всечестные останки его — Святыми мощами, оставив их в гробнице, поверх земли для поклонения и чествования притекающих к ним с молитвою, и торжественное прославление святителя Иоанна совершить 10 июня 1916 г. в день памяти» [Ордовский-Танаевский, 1993, 38].

Надежда, что канонизация Иоанна должна служить идее соборности и препятствовать трагическому разделению народа, явственно прослеживается в резолюции Николая II на докладе, написанной в стиле возвышенно-панегирическом: «Принимаю предположение Святейшего Синода с умилением и тем большим чувством радости, что верю в предстательство святителя Иоанна Максимовича в эту годину испытаний за Русь православную». Митрополит Иоанн воспринимался не только как покровитель Урало-Сибирского региона, но и как предстатель за весь русский народ, и в особенности за русскую армию. 3 марта 1916 г. епископ Варнава сообщает в ставку Николаю II о состоявшихся мероприятиях по случаю прославления митрополита, уверяя, что молитвами Иоанна Тобольского «водимая Вами доблестная армия и русский народ сокрушат жестокого врага», благо в биографии святителя был сюжет о его заботе о русских солдатах, оказавшихся в китайском плену. О масштабе праздника говорит решение Совета министров от 24 мая 1916 г.: «9, 10 11 июня 1916 года считать днями неприсутственными для города Тобольска, а 10 июня того же года — неприсутственным днем для всей Тобольской губернии» [Фомин, 2003, 336—340].

Честное признание кризиса доверия народа, ощущение духовной слабости и надежда обрести новые силы, уповая на искреннего и деятельного православного лидера Петровской эпохи, выразились в словах епископа Никона: «...В эти-то свя-

тые минуты у меня вдруг начало болью сжиматься сердце... беспокоила мысль о разъединенности нас — нынешних иерархов Русской церкви. Господи... как хорошо, какое счастье жить едиными устами и единым сердцем!.. Неужели только такие редкие православные торжества, как нынешнее Тобольское, могут заставить нас сдвинуться с места? Где же наша соборность, где же тогда у нас хоть архипастырское-то постоянное единение, где апостольство во едином Христе Иисусе? Даже здесь, в Тобольске, в котором собралось четырнадцать епископов, мы не удосужились все же побеседовать о делах Церкви, о своей работе, думах, сомнениях, недоумениях и т.п. Отчего? Почему? — Ответ прост и ясен. Мы — епископы Русской Церкви — боимся друг друга, боимся взаимных доносов, взаимного мщения за несогласия... Правду говорить — боимся, кривить душой — не все способны и желают — так лучше и не совещаться вовсе. Новоявленный Святитель Христов Иоанне!.. Объедини нас! — Пробуди!». Отчаянная молитва как последняя надежда перед концом света у одних сочеталась с урапатриотическим пафосом у официальных церковных деятелей.

После празднеств митрополит Макарий 10 июня 1916 г. отправил в ставку телеграмму, отмечая, что прославление Иоанна знаменательно не только для Сибири, но и для всего русского народа. Надежда, что именно образ Иоанна Максимо-вича усилит авторитет власти, утраченный в процессе проигранных Россией войн начала века, слышится в тексте телеграммы: «...Мы пламенно молим Господа, сил да подаст Он Вашему Императорскому Величеству... силы бодрость и помощь свыше на сокрушение дерзкого врага, поднявшего оружие на мирный христианский народ наш...» [цит. по: Фомин, 2003, 401]. Образы сочинений Иоанна о трудностях христианского пути оказываются востребованы в условиях кризисного военного времени. Так, протоиерей И. Восторгов, беседуя с народом на площади, говорит, как необходимы душевные слова святителя «... всегда и везде, во все дни его жизни... как они поучительны и теперь, во дни войны, среди неизбежных вызванных войной бедствий и лишений, огорчений и скорбей» [ТЕВ, 581—583].

Продолжая свою проповедь, он, по сути, выявил скрытую задачу канонизации — внушение верующим надежды на будущую победу неким чудесным образом, что вело к снятию негативного психологического напряжения. При этом основные проблемы перелagались на плечи верующих, их бесконечное терпение. И далее протоиерей И. Восторгов говорит: «Война потребовала невиданного напряжения всех сил народных, невиданного количества денег, всяких других материальных средств — питания, снабжения огромного по числу воинства... враг наш беспощаден, силен, хорошо вооружен. Сколько у нас убитых на войне, раненых и больных! Сколько враг имел успехов на войне только потому, что у него давно все было заготовлено для брани, а у нас и у наших союзников, не готовившихся к войне, не хватало и не хватило оружия и снарядов! Только теперь, в конце второго года войны, опять наши войска перешли к победам, после великого и скорбного отступления, когда враг забирал наши крепости и города и занял целых пятнадцать губерний своим полчищем. Что же нам делать? Как вести себя? Ясно отвечает нам на этот вопрос Святитель Христов Иоанн. Война и ее скорби даны нам

и для наказания, и для вразумления, и для испытания и воспитания нашего терпения. Великий народ, если он действительно велик и по душе своей, терпеливо перенесет всякие испытания. Он будет не ослабевать в подвиге, будет стремиться победить врага, но не будет унывать и при неизбежных неудачах» [ТЕВ, 581—583].

Однако фигура митрополита Иоанна оказалась настолько духовно вдохновляющей, что его почитание продолжалось и в последующее время, вне зависимости от конъюнктурных задач предреволюционного года.

Абрамов Н. А. Иоанн Максимович, митрополит Тобольский и Сибирский // Город Тюмень. Тюмень, 1998.

Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. Л., 1988.

Доброклонский А. П. Руководство по истории русской церкви. М., 1999.

ДАИ — Дополнения к актам историческим. Т. 10, № 19. СПб., 1867.

Катрашов А. В. Очерки по истории русской церкви: В 2 т. М., 1992.

КЕВ — Киевские епархиальные ведомости. 1916. № 22.

Карпинский А. М. Иоанн Максимович, митрополит Тобольский и вся Сибирь. Тюмень, 1899.

Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 2. СПб., 1999.

Остроухов П. В. Жизнеописание святителя Иоанна (Максимовича), Б. м., 1915.

Ордовский-Танаевский Н. А. Воспоминания. М., 1993.

Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862.

Пульхеридова Е. М. Достоевский и Лесков // Достоевский и русские писатели: Традиции. Новаторство. Мастерство. М., 1971.

Сулоцкий А. И. Сочинения: В 3 т. Тюмень, 2000.

ТЕВ — Тобольские епархиальные ведомости. 1916. № 28.

Фомин С. В. Последний царский святой. СПб, 2003.

Хализев В. Е. «Герои времени» и праведничество в освещении русских писателей XIX в. // Русская литература XIX в. и христианство. М., 1997.

М. В. Селеменова

ПОЭТИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ГОРОДСКОЙ ПРОЗЕ Ю. В. ТРИФОНОВА

Рассматривается своеобразие поэтики повседневности московских повестей Трифонова, которое заключается в выборе квартирного вопроса в качестве основной сюжетной коллизии, в укрупнении «мелочей жизни» и придании им статуса символических деталей, раскрывающих суть конфликта времени и характер русской интеллигенции 1960—1970-х гг.

Городская проза второй половины XX в. в отечественном литературоведении и литературной критике 1970—1980-х гг. традиционно рассматривалась как бытовая проза [см.: Амусин, 1986, 17], литература с доминантой бытового сю-